

А. В. Никольский родился 10 (22) июня 1874 года в селе Владыкино Чембарского уезда Пензенской губернии в семье местного священника Василия Александровича Никольского. Родители А. В. Никольского — протоиерей Василий Александрович (1841—1904) и его супруга Ирина Яковлевна жили очень бедно, мало чем отличаясь в этом смысле от крестьян. При этом они пытались помогать своему многочисленному потомству (в семье было трое сыновей и четверо дочерей). Как вспоминала дочь А. В. Никольского Т. А. Фаворская, "память о своих родителях, по-видимому, не ослабевала в сердце папы до конца дней, что угадывалось в бережном хранении портрета деда в заветном ящике письменного стола, где хранились разные ценности" (1). Однажды А. В. Никольский рассказал детям о причине, приведшей его отца — блестящего выпускника Пензенской духовной семинарии — в деревенское захолустье: "Василий Александрович Никольский после завершения в 1864 году образования сверх вышних баллов за знания был аттестован блестящим проповедником, что послужило скорому его назначению дьяконом в церковь Петра и Павла города Пензы. Но успех недолго способствовал ему, столкнувшись с неудачей, а может быть даже с чужим подвохом. Случилось это так: однажды, готовясь вместе со священником к Евхаристии, они по невольности плеснули на покров алтарного престола часть вина, олицетворяющего Спасителю кровь, что по уставу православия относится к великому греху. А дедушка, не сохладив с собой, помянул черта, удивив тем свою вину, о чем участник неудачи, страхуя себя, поспешил донести в Синод. Последовал перевод деда в глушь Пензенского края, в село Владыкино (за 80 верст от Пензы и в 15 верстах от уездного города Чембара)" (2). В памяти посещавших Владыкино внуков дедушка запечатлелся как книжник и почти святой; снижала образ лишь одна, присущая многим русским людям, слабость.

С ранних лет мальчик читал, пел и прислуживал в церкви. В 1888 году по окончании Пензенского духовного училища он по стопам отца поступил в Пензенскую духовную семинарию, где помимо богословских и "научных" предметов в то время изучались церковное пение и скрипка. Вероятно, молодой Никольский выделялся своими успехами в музыке, так как с четвертого класса стал управлять семинарским хором, а затем хором Тихоновского духовного училища. Однако занятия музыкой вряд ли стали бы делом его жизни, если бы не встреча в 1891 году с Капитолиной Балашевой. Образованная и романтически настроенная девушка мечтала стать актрисой и своего избранника хотела видеть знаменитым человеком, а не сельским батюшкой. Твердо и умно она направляла мысли и поступки Александра Васильевича в сторону музыкальной карьеры. В первом же письме к Капитолине Ивановне от 24 октября 1891 года Никольский утверждает: "В свою карьеру музыкального артиста я верил только тогда, когда видел вас подле себя" (3). Он шлет девушке подробные отчеты о своих музыкальных успехах, рассказывает о концертах, излагает мысли об идеальном художнике-регенте и, наконец, сообщает о первых композиторских опытах. Однако, когда Капитолина Ивановна "подле него" не было, он обдумывал и другие варианты жизненного пути: университет, духовную академию, священство... "То ли дело служить в церкви, — писал он 28 марта 1892 года, — ежедневно молиться Богу, работать на ниве евангельской, подобно тому, как работает папа!" (4).

В конце 1893 года было принято окончательное решение, и Никольский объявил ошеломленным родителям о своем намерении стать музыкантом. По совету инспектора духовной семинарии Александр Васильевич обратился с письмом к директору Московского Синодального училища Смоленскому, от которого получил ответ, в котором, в частности, говорилось:

"Милостивый государь Александр Васильевич. С удовольствием отвечаю на ваше письмо, хотя не знаю, придется ли вам по душе мой ответ. Единственно возможный путь к исполнению вашего желания — поступление в число взрослых певчих Синодального хора, которые, кроме научных общеобразовательных предметов (для них необязательных), изучают наравне с учениками все музыкальные предметы, кроме игры на фортепиано и скрипке, то есть все курсы сольфеджио, элементарную теорию, всю гармонию, контрапункт строгого и свободного стилей и формы сочинений.

Таких молодых людей, как вы, у меня уже есть двое, из Полтавы и Саратова. Оба они поют тенорами в хоре, получают за то 25 рублей в месяц, квартиру с дровами и водой и ученье. Посему весь вопрос ставится в зависимости от того, есть ли у вас, если не отличный, то хороший голос (безразлично: бас, баритон, 1,

2, тенор) или нет его. Если есть — милости просим, если нет — не могу предложить вам эти условия.

Синодальный хор есть, конечно, первоклассный хор, не промышляющий пением за деньги, но поющий лишь в святыни Успенского собора. Музыкальная компетенция его безусловно отлична и тяготеет к Капеллою. Дома этот хор изучает по возможности все великие хоровые произведения, начиная от Палестрины, Орландо Лассо, древнейшего русского пения по крюкам. Посему есть как бы две дороги занятий: певческая в Успенском соборе и строго научная в стенах училища и хора..." (5).

В конце августа 1894 года Александр Васильевич написал прошение о зачислении его сверхштатным певчим Синодального хора, отказываясь от жалованья и претендуя только на казенную квартиру с отоплением; 1 сентября 1894 года началась жизнь Никольского в "Синодалке", где он сделался одним из прилежнейших учеников. Стремясь запомнить все виденное и слышанное, он завел специальную тетрадь для записи лекций, наблюдений и мыслей. Благодаря этим ученическим записям мы располагаем сейчас достоверным свидетельством о жизни хора и училища тех лет. О всех перипетиях московской жизни он рассказывал и в письмах к "дружку Лине", которая вскоре стала его женой.

Однако "синадальный" период жизни Александра Васильевича был недолгим. Уже через год после начала занятий у него возникает мысль о переходе в консерваторию и о получении высшего образования. На почве которого кричат-то о реформе церковного пения будет уже посмелей, да и понадежней в смысле результатов" (6). Как известно, "права" и "дипломы" были большим вопросом для Синодального училища во все времена. Тем более бесправными оказывались слушатели духовно-музыкальных курсов, получавшие по сдаче итоговых экзаменов лишь свидетельство о том, что они могут быть регентами и учителями церковного пения, но не регентской и учительской квалификацию и права.

В сентябре 1897 года, накануне принятия устава и новых программ Синодального училища, Смоленский возбудил перед прокурором Ширинским-Шихматовым вопрос "об удостоверении" правами и дипломами слушателей духовно-музыкальных курсов. Не забыл Степан Васильевич "замолвить словечко" и за Никольского, которого в Синодальном училище к этому времени уже не было: 9 сентября 1897 года он поступил в Московскую консерваторию, где по весну 1900 года обучался в классе специальной теории С. И. Танеева, изучая контрапункт и музыкальные формы. Судя по архивным документам, Александр Васильевич занимался небезуспешно; тем не менее, как он писал позднее, свое консерваторское обучение у строгого и требовательного Танеева завершил "бегством". Не исключено, что причиной стали нерегулярные посещения занятий Никольским, который к тому времени стал отцом троих детей и был вынужден зарабатывать на жизнь преподаванием в нескольких учебных заведениях (с 1894 по 1918 год — в Строгановском художественно-промышленном училище, с 1896 по 1906 год — в Елизаветинском женском институте, с 1899 по 1906 год — в Александро-Марининском женском институте).

Высшее образование и искомое звание Александру Васильевичу было суждено получить лишь с третьей попытки: в 1900 году он поступил в Московское Филармоническое училище (в классы композиции А. А. Ильинского и класс дирижирования Виллема Кеса), который и закончил в 1902 году со званием свободного художника по теории композиции. К тридцатилетнему возрасту пора ученичества была завершена, начался период серьезных творческих достижений и общественного признания.

"Теперь явилась охота себе и людям доказать, что не только умею, но и мастерски могу исполнить. А жажда дела и охота к нему — это и есть жизнь", — писал Никольский жене (7). Конечно, в первую очередь ему хотелось занять свое место в ряду светских композиторов-профессионалов. Демонстрацией причастности к миру "оркестрового музыканта" явился длинный список сочинений, среди которых поэмы, картины и фантазии для симфонического оркестра, кантаты и хоры а cappella, пьесы для деревянных духовых инструментов с оркестром, произведения для камерных ансамблей, детские оперы и песни, романсы и мелодраматические, обработки народных песен. К сожалению, большая часть

этих сочинений так и осталась в архиве автора. Лучшая участь была уготована огромному духовно-музыкальному наследию Никольского, по большей части опубликованному и повсеместно звучащему. Помимо отдельных духовных хоров, перу композитора принадлежат Литургия Преподобных Даров, ор. 23 (1907), Всенощное бдение, ор. 26 (1908), Литургия св. Иоанна Златоуста № 1, ор. 31 (1909), Запричастные стихи, ор. 33 (1907), Песнопения Страстной Седмицы, ор. 35 (1912), Песнопения Святой Пасхи, ор. 37 (1913), Венчание, ор. 41 (1914), Литийные стихиры, ор. 47 (1916 — 1917) и другие.

Примечательно, что и после революции, отдав неизбежную дань работам революционных и народных песен, Никольский продолжал писать духовную музыку. В архиве композитора хранятся написанные в двадцатые годы Литургия св. Иоанна Златоуста № 2, ор. 52, а также отдельные хоры (ор. 55, 57, 62, 63, 68). В конце двадцатых годов композитора в полном смысле слова заставили замолчать, взяв с него подписку о нераспространении его духовных сочинений.

Безусловно, своим творчеством, насчитывающим 76 опусов и свыше 450 номеров (данные автобиографии), Александр Васильевич Никольский доказал свое право называться не только "серьезным", но и очень интересным и значительным композитором. Подлинная оценка его наследия еще ждет своего часа.

К ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА НИКОЛЬСКОГО

"Синодальная" завска Никольского определила пути его деятельности, которая происходила в те годы, когда реформы Синодального училища уже свершились, и Новое направление в композиторском творчестве стало реальностью. Однако для того, чтобы результаты "революции", происшедшей на Большой Никитской, распространились на всю Россию, нужна была кропотливая просветительская работа. Этот нелегкий труд взял на себя Никольский, посвятивший музыкальному миссионерству почти двадцать лет жизни. Одной из его форм стали проводившиеся ежегодно композитором летние регентские курсы в разных городах России — Пензе, Саратове, Камышине, Наровчат, Вятке, Ржеве, Москве. Другая форма — регентские съезды: Никольский был одним из главных организаторов и активнейших участников всех шести съездов, состоявшихся с 1908 по 1917 год. Редкий номер журналов "Музыка и пение" и "Хоровое и регентское дело" в эти годы выходил без умных и эмоциональных статей Никольского, посвященных насущным проблемам регентов и певчих, истории и теории церковного пения, концертам духовных хоров и новым сочинениям. В некоторых из работ Александр Васильевич выступал в роли историографа Нового направления, впервые развернуто изложив его основные идеи и обрисовав портреты главных действующих лиц.

Широкая педагогическая деятельность, которой Никольский занимался не только на регентских курсах, но и в Синодальном училище и Народной хоровой академии (1915—1923), Народной консерватории (1906—1917), музыкальной школе

А. А. Ильинского, а также во многих московских гимназиях и училищах, вызвала к жизни такие его работы, как "Начальный учебник хорового пения" (совместно с Н. Д. Кашкиным, 1908—1909), "Энциклопедия школьного пения" в четырех выпусках (1916—1917), "Голос и слух хорового певца" (1916) и другие.

Как истинный народник, Никольский, подобно своим товарищам по синодальной корпорации, не прошел мимо московской Музыкальной этнографической комиссии, начав сотрудничество с ней в 1902 году. Однако серьезная научно-исследовательская работа в этой области относится к послереволюционному периоду. "Очень усердно занят своей "Теорией русской народной песни". Уже 692 страницы написано. Чувствую, что труд мой — большой, солидный, ценный. Верю в это и с увлечением посвящаю ему ежедневно 8—10 часов", — писал Александр Васильевич 25 июля 1919 года в Ярославль жене (8), которая после рождения восьми детей осуществила свою юношескую мечту и стала актрисой. Похоже, для Никольского, так же, как и для Кастальского, этнография была способом примирения с действительностью и одним из главных дел жизни после революции. Так же, как и некоторые их товарищи по МЭК, они стали сотрудниками этносекции ГИМНА, оба преподавали народную музыку в Московской консерватории (Никольский был преемником Кастальского), оба написали капитальные научные исследования о народной песне. Однако в отличие от двух известных работ Кастальского, труды Никольского — "Народная песня СССР" (1930-е годы), "Музыкальный язык русской народной песни в связи с тематикой и формами языка словесного" (1939) и другие — так и остались неизданными.

Никольскому, пережившему почти на двадцать лет своего учителя, было суждено увидеть и разгром горячо любимой им русской этнографии, и рождение кафедры хорового дирижирования в Московской консерватории в 1931 году.

"А. В. Никольский был основоположником всего цикла теоретических дисциплин дирижерско-хоровой специальности, — писал его ученик К. Б. Птица. — На кафедре хорового дирижирования Московской консерватории в течение многих лет он был единственным и бесспорным преподавателем важнейших в хоровом образовании курсов: хоровой литературы, народной песни, аранжировки. Периодически А. В. Никольский преподавал на дирижерско-хоровом отделении и другие дисциплины: методику обучения музыкальной грамоте в хоре, анализ музыкальных форм. Недолгое время он вел и дирижерский класс. Ему принадлежит редакция первоначальных учебных программ по хоровой специальности и авторство большей части из них. Во многом эти программы служат образцом и поныне" (9).

Читая воспоминания учеников Никольского по консерватории, невольно вспоминаешь словесный портрет "добрейшего" Степана Васильевича Смоленского, нарисованный Никольским. Таким же ярким и самозабвенным оратором, таким же заботливым и "добрейшим" к ученикам был Александр Васильевич.

На склоне лет Никольскому было суждено участвовать не только в становлении хоровой кафедры консерватории, но и в рождении Хорового училища для мальчиков, идея организации которого возникла на волне патристического подъема в первый же военный год. Докладную записку в ЦК партии о создании учебного заведения, прообразом которого являлось не что иное, как Синодальное училище церковного пения, было поручено составить Никольскому — одному из немногих педагогов Московской консерватории, не уехавших в эвакуацию. Композитор пытался возродить и курс русского церковного пения, который он начал читать в 1942 году оставшимися в Москве студентам консерватории.

Александр Васильевич работал в эти годы много и интенсивно, веря в победу и ожидая окончания войны. Однако его жизнь была очень трудной. Приведем фрагменты двух неопубликованных писем Никольского к сыну Григорию, написанных в начале 1943 года:

"11 января, 1943 года
Родной мой! Напрасно ты сетуешь, что мы тебе "не отвечаем" ни на твои телеграммы, ни на письма. Недавно я послал тебе подряд две открытки. Не отвечаю на телеграммы только потому, что ищу адрес с номером полевой почты, отчасти же из-за отвлечения внимания тысячу за-

бот и дел. Вяжут мою голову и время статьи и доклады, какие поручают мне факультет и кафедра консерватории. Писать я вообще разучился; статьи пишутся у меня с великим трудом, что донельзя тревожит и обессиливает меня внутренне. Я и здоров, и нездоров вместе: лекции посещаю неопустительно, но провожу их как больной, устаю и оскудеваю мыслями и словами. Постоянно зябну, хотя и не голодаю (как Таня, Галочка и Люся) (10). Заработка не хватает — приходится нуждаться в деньгах уже спустя 3—4 дня после получения зарплат. Вещи, какие можно, распроданы и мной, и Таней все, — больше "реализовывать" стало уже нечего. (...)

Часто нуждаемся в дровах для печи, так как газ то и дело гаснет. Это одна из тяжелейших сторон нашего питания. Стирать нельзя — не хватает мыла. (...) Конечно, на общем фоне наше положение более или менее терпимо; но детали нашей семейной и хозяйственной обстановки поистине бывают исключительно и потому частенько претерпеваются очень тяжело.

Ты, дорогой, однако не преувеличивай своих мыслей о наших затруднениях разного рода. Бывает у других людей куда хуже! Хорошо уже то одно, что мы живы и в какой-то мере здоровы. А это немалое благо! То, что я работаю, как здоровый вполне (35 лекционных часов в неделю), это значит, что папа не совсем выдохся, а даст Бог, продлится таким и впредь некое время. (...)"

"9 февраля 1943 года
Дорогой, милый, родной наш и друг мой Гриша! Редко я пишу тебе — каюсь! (...) Лично я стал частенько прихварывать: то и дело биолетению, что ведет к постоянным перебоим в моей академической работе. Я и сейчас сижу дома до 28-го января; выпустить врач обещал 11-го, а может 13-го февраля. Плохо то, что во время болезни не оплачивается на сумму около 1 тысячи рублей по месту совместительства. Из консерваторской же 1 1/2 тысячи на руки я получаю едва 900 рублей. Как тут жить рынком? Распродавать же нам с Таней уже нечего. Правда, мы еще далеко не голодаем, но средства к жизни у нас уже совсем подорваны и перспектив у нас не стало. Из-за болезни моих мне приходится отказываться от нагрузок по совместительству. Получается заколдованный круг... Я на сей раз разоткровенничался перед тобой. Ну что же: узнай правду. Жизнь рвется и у меня, как она порвалась у Тани. Остановить этот процесс едва ли можно... Я, разумеется, лечусь, даже безуспешно. И все-таки я заметню постарел: двигаюсь характерной походкой ("шмыгаю"). Лекции провожу еще неплохо. Но надолго ли это? Кто скажет? Сплю не больше 5—6 часов в сутки; встаю в 3—4 часа почти всегда. Люся утратила всякое чувство времени: нередко закатывает свои голодные истерики на целые ночи, а то и на две подряд.

Я чересчур разжаловался — не надо бы так, чтоб тебя излишне не встревожить. Ну, ты и не думай очень-то мрачно. Бог даст, дела изменятся: на фронте-то войны как!!! Я жду, жду и верю — дождусь светлого конца войны в полном здоровье (не худшее моего настоящего!). Собственно, дух мой крепок еще и я не сдам, если... сердце не подкачает против моей воли. Врач дает о сердце заключение весьма неплохое. На это давай и расположимся, друг мой! Наружно я мало изменился. Иногда выгляжу даже очень свежо и бодро (чего не скажешь о Тане). Но чаще...

Консерватория обращается со мной очень внимательно, но именно как со стариком, которого надо беречь. Это и лестно и грустно.

И все-таки в итоге моего настоящего письма, если взглядишь в мой почерк, нельзя не отметить, что и тверд, и ясен. О каком постарении завел я речь? Бросим эту навязчивую идею и будем верить, что жизнь мы еще увидим!!! (...) (11)."

Через сорок дней написания этого письма, 19 марта 1943 года, Александр Васильевич скончался от паралича сердца.

1. Архив семьи Никольских.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. ЦГММ. Ф. 294.
6. Из письма А. В. Никольского к К. И. Балашевой от 26 августа 1895 года. Архив семьи Никольских.
7. Из письма А. В. Никольского к К. И. Никольской от 4 марта 1905 года. Архив семьи Никольских.
8. Архив семьи Никольских.
9. Птица К. Б. Мастера хорового искусства в Московской консерватории. М., 1970. С. 51.
10. В цитируемых письмах упоминаются: дочери композитора Людмила Никольская и Татьяна Фаворская, зять Глеб Фаворский, внуки Галина и Роман Фаворские.
11. Архив семьи Никольских.